Автор: Оргкомитет
31.12.2015 10:00

Стихотворения, предложенные в ТОП-10 "Кубка Мира по русской поэзии - 2015" членом Жюри конкурса. Лучшие 10 стихотворений Кубка Мира будут объявлены Оргкомитетом 31 декабря 2015 года.

1 место

Конкурсное произведение 140. "Голос за предпоследним кадром"

1.
Толсты сугробные тома. Не дочитаться до судьбы там,
Пока рифмуют нас дома с бронхитом, холодом и бытом.
Всё познается в мелочах:
Поди найди упавший ключик,
Когда фонарный свет зачах,
И электричество не включат.

В кармане прячется Платон, как будто вовсе и не друг вам.

Автор: Оргкомитет
31.12.2015 10:00

И мир нелеп - как фельетон, рассортированный по буквам.

Что остается? Cup of tea*,
Да в гости, может быть, пойти.

2.
Допустим, так:

Пурга. Порог.
Пусть ветер - истовей и вальче.
На литераторский пирок зайти в прокуренный подвальчик
И к полночи почесть за честь - своё чего-нибудь прочесть.

От рифмы плавится скрижаль. Минут по двадцать на собрата.
И, в общем, времени не жаль, но Боже мой, какая трата...

Как просто нам, покашляв глухо, друг друга слушая вполслуха,
Себя представить в «Снегирях»:
Слегка колбаской разговляясь,
Сидеть, в слова не углубляясь,
При вискаре и козырях,
Листая девочек в дверях.

3.
... а если эдак:

Пьянке - бой! (хотя и легче в декабре с ней).
Подвал покинуть. И с собой забрать кого поинтересней.
Пройтись, пока ещё в чести
Кого-то под руку вести.

Века стоят по словарю. В застройке не осталось брешей.
Натужно жмётся к фонарю необязательный приезжий.
Их много здесь таких, миног. Задорней дух, слышнее речь их,
Пока инверсиями ног штудируют фигуры речек.
Но мы на этой кривизне
Необязательны вдвойне.

4.
... а так?

Горячий термосок (не помню, Нелин или Надин).
Щебечет мёрзлый голосок.
И чёртов ключ, конечно, найден.

Терпеть. Воспитывать стихи.

Себя раскладывать по датам.
Судьбу смягчать полусухим,
И размножаться самиздатом,
Как будто белое пятно с разводами декабрьской люти
С утра становится окном и нас показывает людям.

Пройтись за хлебом до угла.
Задуматься. Уйти за смежный,
Где предрассветная смола вливается в рассвет кромешный.
И опершися на гранит, сверяя истину по голду,
Смотреть, как бабушка бранит слегка неловкую погоду.

5.
Столица. Дело к десяти.
Часы осваивают среду.

А впрочем, проще всё. Прости.
Пишу. Живу. Но не приеду.

2 место

Конкурсное произведение 298. "Аюттайя"

Гору накрыло небо – хрустальный панцирь, вырос под небом город – и стал великим. Будды сжимали лотосы в тонких пальцах, Будды хранили мир в узкоглазых ликах. Пламя пришло внезапно и отовсюду, пламя плясало ярким священным цветом. Отсвет огня ложился на плечи Буддам, Будды не отворачивались от света.

Город лежал в руинах пяти столетий, люди ступали в обуви на пороги, верили: боги счастливы, если где-то свергнуты с пьедесталов чужие боги. Город лежал открытой смертельной раной, пачкая кровью складки своей постели. Люди входили в боль закопчённых храмов. Буддам в глаза, наверное, не смотрели.

Камень одним ударом не переломишь – камень, рождённый миром в его начале. Люди рубили яростно и наотмашь, Будды сжимали лотосы и молчали. Если безумью в мире дано свершиться, то и дела во славу его свершатся. Люди рубили по узкоглазым лицам, по головам, плечам, по цветам и пальцам...

Город лежит под небом семи столетий, город под пеплом выжил в эпоху мрака. Тот, кто смотрел в глаза неизбежной смерти, смотрит на мир без жалобы и без страха. Будды сидят на стёртых седых ступенях, в трещинках мелких камень шероховатый. Будды хранят Вселенную, как умеют – сотни безруких и безголовых статуй.

3 место

Конкурсное произведение 50. "Не навсегда"

Она верит:
Летать – это очень просто, главное – окрылиться.
Какое дело пространству, что ты не птица?
Время вон тоже не птица, а летит, летит же!

Марк небесный свод тушует немного ниже:
всё безопасней в тенётах его качаться...

– Марк, а ты мог бы нарисовать счастье,
дерзкое, бесшабашное!?
Над замыслом покумекав,
мог бы, говорит Марк, и рисует летящего человека.

Она смеётся:
Держи меня за руку, как за нитку воздушный шарик!
Здесь всюду небо, и ветер шершавый шарит,
а солнце к закату стынет и будто вянет...
И мы парим – над розовыми церквями,
зелёными кронами, домиками, скрипачами!

Она вздыхает:
Марк, а ты мог бы нарисовать отчаяние,
лёгкое, как воздух, пронзительное, как булыжник - в реку?

Мог бы, говорит Марк, и рисует
летящего
человека...
Она плачет:
Марк, но ведь летать – это счастье, да?!!!
Да, говорит Марк. Если не навсегда...

4 место

Конкурсное произведение 232. "Скрипачка"

Т. Л.

Когда-то у Лины были огромные залы,
бесспорный талант и волшебная скрипка Амати.
Едва ли кто понял, зачем она вдруг сказала:
«Пожалуйста, хватит!»

Едва ли кто слышал, прозрачный финал профукав,
как мир под смычком незаметно, но явно треснул:
так много фальшивых улыбок, друзей и звуков –
что больше неинтересно.

Амати вернулась в родную свою Кремону.
В письме прилетело: «Grazie, Violina!» –
у мастера Пьетро, прослывшего неугомонным,
играют четыре сына,

и – вроде – второй обещает стать знаменитым...
а Лина теперь выступает на перекрёстке.
Смешной пятачок, дождям и ветрам открытый,
отныне –её подмостки.

Она поднимает руки в привычном жесте
(пусть нет инструмента больше – волненье то же).
Невидимый взгляду, нервный смычок трепещет,
и струны внутри всё тоньше.

Случайный прохожий думает по ошибке:
«Такая худая – хоть пару монет на ужин...»
Но Лина ворчит, не глядя: «Опять фальшивки!» –
швыряет их прямо в лужу.

Умы в магистрате задумчиво репы чешут:
– И что нам с ней делать – никак не сообразим мы!
– У каждого города собственный сумасшедший.
Скрипачка – отличный символ!

Проходят недели, годы, идут туристы.
И лишь горожане сердито несутся мимо:
«На что тут смотреть? Хотя бы одета чисто...
Нелепая пантомима!»

Но вдруг раздаётся, небесного пенья краше:
«Ну,мама! Постой! Неужели не слышишь – Моцарт!..»
И скрипка летит, захлёбывается в пассаже –
и, наконец, смеётся.

5 место

Конкурсное произведение 312. "Версия Марсия"

Что скривил чело, лучезарный Феб-кифаред -
фаворит Фортуны, сияньем светил согрет,
над кифарой поник, капризно гриф теребя?
Неужели постиг, что я переиграл тебя?

Пусть, от шеи до паха распоротый, как хот-дог
упаду во прах у твоих золочёных ног.

Уничтожь меня, боже, кожу мою сдери,
только музыку не достанешь, - она внутри.

По мотивам нашего мифа роман сочинят.
Снимет фильм Голливуд, назовут - «Молчанье ягнят»,
как один маньяк, драпируясь кожей чужой,
щеголял своей заштопанною душой.

Обдери весь мир, семь шкур на себя напяль,
завладей моей флейтой, но всё же поймёшь едва ль,
как согретый дыханьем, звонко запел тростник,
из каких пустот пленительный звук возник.

Пусть твой гордый профиль выбит в мраморе плит,
но внутри тишина, она тебя испепелит.
На твоё выступленье проданы все места,
но коварная флейта ужалит тебя в уста.

А когда народ тебя вознесёт на щит,
скорлупой оболочка заёмная затрещит,
и пред взорами публики радужное нутро,
вывернется блистательно и пестро.

6 место

Конкурсное произведение 285. "Маленький человек"

Чем больше страна – тем мельче ей человек.
Человек это понял однажды – и не огорчился.

Между прочим, кончился дождь. И как раз четверг.
Время «Ч» – из закона на волю полезли большие числа.
И вот-вот человек пожирнее рванет за Урал,
за леса, за моря, с перепугу теряя купюры,
пистолеты, айфоны, крича «Я не крал!»,
«Непосильным трудом!» и жене на прощание «Дура!»
Нет, пока это только мечты. Но уже знатоки
напряглись в предвкушении ужасов нью-декаданса.

Ну, а этот оставил записочку от руки:
«Гражданина Вселенной может лишить гражданства
только Бог». И пошел... А куда? Поди разбери...
Вероятно, совсем не туда, куда посылали.
Что он там замышляет? Что у него внутри?
Как его поймать, расспросить, разобрать на детали?

Он спрятался как последний, но не-пустяк
в матрешечную структуру необщих родин.
Ни на карте, ни в «Википедии», ни в новостях –
человека нигде не видно. И он свободен.

7 место

Конкурсное произведение 54. "Папе"

Расплескалось детство рекой молочной. Понедельник – манный, четверг – творожный. Не разбить бы то, что и так непрочно, не спугнуть движеньем неосторожным.
– Было, папа! – Санки. – Нале-направо! И об лёд – на выдохе! Больно-больно! Всё проходит, но остаётся право мерить время с собственной колокольни.

Ты в меня не верил. Горел, как факел. И тогда... меня «пробирало» тоже. Мы взрывные оба (порой – до «драки»). И вздыхала мама: «Как вы похожи!»... Помнишь, папа? – Мир в одночасье рухнул. Мы на людях оба держались прямо. А потом ревели с тобой на кухне до утра, вдвоём, поминая маму...

«Отказало сердце...», «сгорел от нервов...» –
что слова? – Сквозняк из открытой двери.
Первый день – без тебя, первый август, первый...
До сих пор никак не могу поверить!
Так бывает – корни срослись друг с другом.
Оторвёт и... – в бездну! – Слепым маршрутом!

...мир лупил мне в спину волной упругой, трепетал под куполом парашюта. Шёл АН-2 на взлёт. Остро пахло ветром. – Этот чёртов ветер всю душу выжег! И синели тысяча триста метров от броска «Пошёл!» до команды «Выжить!», – стиснув зубы, молча – без лишних стонов.

– Упаси ты, Господи, от бессилья!
Если горе – море, то в нём не тонут,
сквозь него проходят, ломая крылья.

Отпустило, будто во тьме кромешной
прочиталось кожей: «Вставай... и – дальше!».
– Ты мне снишься, папка, родной и здешний,
но... в меня не верящий, как и раньше.

У меня всё та же – своя – дорога,
даже если камнем лежу на дне я.
Верю, папа, верю – тебе и Богу.
И опять встаю, становясь сильнее.

Автор: Оргкомитет
31.12.2015 10:00

8 место

Конкурсное произведение 25. "Рельсы-рельсы"

Узел в памяти был, как железнодорожный...
Остывала земля, пересыхал, что ручей, вокзал,
окруженный таксистами, желтой кленовой дрожью.
Оброненный в жизнь котенок под креслами замерзал.
Город L, известный тем, что в него отправляли в ссылку
литераторов и др. убогих. Болоньевое пальто,
под которое мама прячет шерстнатого и обнимает сильно,
мы не так много можем, мама, но пригреем самого серого из котов.

На другом узле – солнце давит на землянику
между шпалами узкоколейки, обрезанной в тупике.
Там сторожка, в которую ходят разбитые проводницы,
а потом вылетают, как лимонницы, налегке.
Колоски под горячей насыпью качаются и смеются,
собираю ягоды, наклоняюсь к красным запекшимся головам,
прихожу домой, высыпаю добычу в блюдца,
за окном государство трещит по швам.

А потом был снег. Нет, не так. Снега еще в помине...
Снова рыжее, да. В корзинах грибы несут.
Наклоняется лес, как пламя в чужом камине.
Мы кота, прожившего (три-пять-девять), закапываем в лесу.
А потом понеслось: земля-лопаты, земля-лопаты,
у земли и железа горький и кисловатый вкус.
Узлы в памяти проседают – ни бросить, ни раскопать их,
всем досталось, тебе и мне, от горечи по куску.

Но смотри – вот вокзал. И тела жирафьи – тугие краны.
Вот зима. С белых начнем страниц.
И мы едем-едем на полках в чужие страны
посмотреть на башни, на горы, на высохших проводниц.
Вот сторожки. Кино. Пружинят виолончели.
Поцелуй, как море, волнами поцелуй.
Вот Юпитер. Вот Венера от Боттичелли.
Вот пропели на венчании «аллилуйя»...

После узел-зима. Перелески – как вмерзшие в лед составы.
Бросить землю. Там мама. Просто выпустить из горсти.
Минус 35. Холод ввязывается в суставы.
На оградку денег не получается наскрести.
Паутина на окнах в прошлое. Рельсы-шпалы.
Рельсы-рельсы. Поедемте в город L.

Проводницы поезд взяли да и проспали.
Машинист дорогу выучить не сумел.

9 место

Конкурсное произведение 230. "Под токованье птицам отдан сад"

Под токованье птицам отдан сад,
но силу тока не назвать в амперах.
Пуская за разрядом вновь разряд,
искрит гортань, оправленная в перья.
Рукоплеща без устали, с утра
звенит бузинник, музыкой пронизан,
орешника пульсирует кора,
внимает дом, вибрируя карнизом.

Колоратур и трелей череда –
куда там окарине и гобою –
свиваются над крепостью гнезда,
короне уподобившись; любое
гнездо – отчасти нимб, венец, кольцо
из тёрна с дёрном, символ постоянства.
На дне его покоится яйцо
округлой оккупацией пространства.

Под замкнутой сферической кривой,
слабей луча и звука невесомей,
колышется и спит под скорлупой
одна из самых странных анатомий.
В укромном уголке, где все углы
закруглены, лежит и дремлет, зрея,
не смерть кощея на конце иглы,
но маленькая певчая трахея.

И как постичь, что этот сонный плод,
набор сырья: желток, белок, канатик, –
немногим позже бойко запоёт,
вспорхнув на клён в какой-нибудь канаде,
что вызреет таинственная связь
меж вязкостью и связками, сквозь стенку
проклюнется, взлетит, оборотясь
миниатюрной кузницей акцентов:

мембрана, наковальня, язычок,
удары молоточка, блеск и россыпь.
И если он когда-то на плечо

доверчиво присядет и попросит
за чик-чирик в туннеле декабря,
подай ему, – всего-то крошки грошик.
Пусть свищет вечно, воздух серебря,
пернатый бессеребренник-художник.

Блажен, кто подаянье близ фрамуг
смиренно собирает на кормушках,
отдаривая музыкой, кто звук
даёт увидеть в росписях воздушных.
Им всем завещан заповедный сад,
а в нём, как шёлком, щёлканьем расшитом,
щеглы порхают, иволги царят
и зёрнышками хлебников рассыпан.

10 место

Конкурсное произведение 216. "За домом заснеженный сад"

За домом заснеженный сад переходит в овраг,
засыпанный с верхом, от поля идущий помостом
к долине, штрихами полночных бумагомарак –
читай: пешеходов следами – исчерченной вдосталь.
Вдали оловянной заплатой лоснится каток,
февральским морозом добытый из синего тигля.
Гравюру по ветру рисуют во тьме на глазок
серебряных сосен сухие и кислые иглы.

Страницы сугробов отмечены подписью лис,
оставивших вместо визиток другие улики.
Ватага охотников грузно спускается вниз
в долину, неся за плечами гранёные пики.
Пейзаж расстановкой фигур повторяет сюжет
готической давности: крыши, деревья, равнина,
зима. У амбара мелькает оранжевый свет,
и пахнет соломой и шерстью из клети овина.

Глядящим с холма открывается снежный размах
простора, зовущего мир рифмовать неустанно,
и манит соблазном писать на широких полях
бумаги – белей не бывает, разгул графоманам.
Во всём откровенья: в привычном предметном кругу,
в слагаемых жизни, в картинах, от древности ветхих,
где чёрною галочкой может на белом снегу
читаться любая сорока, вспорхнувшая с ветки.

Александр ЛАНИН. ТОП-10 "Кубка Мира - 2015"

Автор: Оргкомитет
31.12.2015 10:00

ИТОГОВАЯ ТАБЛИЦА ПО ОЦЕНОЧНОЙ СИСТЕМЕ ТОП-10

	Евгений МИНИН	Александр СПАРБЕР	Евгений ЛУКИН	Михаил ДЫНКИН	Сергей ПИЧУГИН	Борис ГРИГОРИН	Михаэль ШЕРБ	Вадим ГРОЙСМАН	Галина КЛИМОВА	Владислав СЕРГЕЕВ	Виталий АСОВСКИЙ	Сева ГУРЕВИЧ	Марина ЮДИМОВА	Александр ЮЛИКОВ	Ольга ЕРМОЛАЕВА	Ольга ВОРОНИНА	Ирина ЦЫГАЛЬСКАЯ	Андрей КОРОВИН	Ася АНИСТРАТЕНКО	Александр ПЕТРУШКИН	Михаил ГОФАЙЗЕН	Дмитрий ЛЕГЕДА	Ларика ЙООНАС	Евгения КОРОБКОВА	Михаил ЮДОВСКИЙ	Валерий ДУДАРЕВ	
21. ЭНСК	7		5		5						5				8		8		5		5				5	5	
25. РЕЛЬСЫ-РЕЛЬСЫ															5	5			11	5		5	9		5	5	
29. ЛИСТЬЯ															5	5				5			5				
34. АЛТАРИ						5				5											5						
37. ШИПОВНИК					8	5									5				9	8						5	
50. НЕ НАВСЕГДА		5		8	5		5		8	5	8	8		11		8	7	5	5		8	9	8		5		
54. ПАПЕ												5		8				5			7		7				
58. ЖАЖДА	8					5				8										5							
60. АРТЕФАКТ			8	5			7			5	5	9		5					5		11	7	5	8			
62. ПЕОН ТРЕТИЙ		5	5					11	5	7	9	5		5				5						5			
91. РЮГЕН																			5						8		
96. КОФЕЙНЯ НА УЛИЦЕ КЛЮЮВИ		11	5				5				5			7							9	8	5				
112. ОЗЕРО			5	5	9	5											11		8							11	
118. КРЕСТ		8	9	9	5				9				11	5		9				5	5				11		
123. ПРОЩЕ																				5							
130. ХАЙМЕЛЕ						11												5								9	
140. ГОЛОС ЗА ПРЕДПОСЛЕДНИМ КАДРОМ		9					5			11								5	7	7	5				5		
148. КРАСНЫЙ ЛЕС	5	5		11			8	5		5					9			9		9							
160. 31 ДЕКАБРЯ	5						5		5				9														
188. ПРО СЧАСТЬЕ					5					9									5							7	
192. ТОЧКИ ЗРЕНИЯ									5		5	5			5												
216. ЗА ДОМОМ ЗАСНЕЖЕННЫЙ САД	5	5	7		5	5	9		5						11									7		8	
220. МОЛИЛАСЬ СИНИ			5							5								5									
230. ПОД ТОКОВАНЬЕ ПТИЦАМ ОТДАН САД		7	11		11	8	11	7	11			11		5	7			8		11					9	5	
232. СКРИПАЧКА	5	5			7						7	5				7				5	5	11	5		5		
236. ИГРАЙ, ЯНИС!			5	5					5					5													
268. КОТОВЫЕ СУМЕРКИ	5					9	5			5																	
281. СНЕГ СВЕЖЕВЫПАВШИЙ...															5		9						5				
285. МАЛЕНЬКИЙ ЧЕЛОВЕК												7	8				5		5						7	5	
298. АЮТТАЙЯ		5		7			5	9	5		5	5		9		5		11					5	11	5		
310. ЧАЕПИТИЕ ПЕРЕД ГРОЗОЙ	5					5								5	5			7			5		11	9		5	
312. ВЕРСИЯ МАРСИЯ					5	7		8	7		5																